

EDN: QLFQYI

УДК 947.8(470.314+470.315)

Вспомогательная деятельность торфопредприятий по обеспечению торфодобычи в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей)

Тряхов Илья Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена неосновной деятельности торфопредприятий в условиях Великой Отечественной войны. В годы военного лихолетья торф являлся одним из важнейших источников энергии как для выработки электричества, так и для заводов и фабрик ряда отраслей промышленности. Кроме того, этот вид топлива активно использовался городскими коммунальными хозяйствами Владимирской и Ивановской областей. Основная деятельность предприятий была связана с целым рядом мероприятий, которые были необходимы для эффективной работы торфодобытчиков с учетом сложных условий труда и жизни трудящихся. Источниками послужили фонды государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, среди которых особое значение имели документы первичных парторганизаций ряда предприятий. В них содержатся сведения (не всегда полные) о функционировании подсобных хозяйств, социальных практиках военных лет, работе и поведении членов и кандидатов в члены ВКП(б) среди работников, а также руководителей торфоразработок. Свою роль в исследовании сыграли фонды областных, городских и районных партийных комитетов, в которых в различной степени обсуждалась работа торфопредприятий, а также материалы периодической печати. В указанных источниках отражены усилия пропагандистских органов, целью которых было мотивировать трудящихся к выполнению и перевыполнению плановых заданий. В результате проведенного исследования следует констатировать многообразие деятельности предприятий по добыче торфа и их активное участие в помощи фронту. Одновременно с этим социальная инфраструктура поселков торфяников была недостаточной, самообеспечение предприятий продовольствием было хуже, чем в других отраслях промышленности. Удаленность мест торфодобычи от городских центров чаще приводила к различным злоупотреблениям со стороны администрации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, торфопредприятия, продовольственная проблема, агитация и пропаганда, социальные практики военных лет.

Введение. Отступление Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны привело к топливному дефициту в СССР в 1941–1942 гг. Частично компенсировать потерю угля Донбасса и значительных объемов нефти с Северного Кавказа в советском тылу предполагалось увеличением торфо- и дровозаготовок. В 1920–1930-е гг. торф стал важным сырьем для советской электроэнергетики, так как немалая часть теплоэлектростанций вырабатывала электричество путем сжигания торфа. Одна из таких ТЭС (известная как ИвГРЭС) находилась на территории Ивановской области в поселке Комсомольский. Кроме того, крупными потребителями торфа во Владимирской и Ивановской областях были промышленные предприятия: стекольные заводы в Гусь-Хрустальном и Курловском районах, машиностроительные предприятия Коврова, Владимира и Кольчугино, а также городские коммунальные хозяйства (горкомхозы). Особенно большое количество топлива требовалось областному центру Иваново, население которого по предвоенной переписи 1939 г. превышало 285 тыс. человек [6].

С началом войны Совет народных комиссаров (СНК) СССР издал указание шире использовать местные источники энергии, что предполагало наращивание торфодобычи во Владимирской и Ивановской областях, богатых этим сырьем [43]. Однако в силу целого спектра факторов (мобилизация мужчин на фронт, недостаточная механизация) роста добычи не произошло.

По плану в 1941 г. в Ивановской области было необходимо добыть 1920 тыс. т торфа. Фактически было добыто 1785 тыс. т. В последующие годы план понижали. В 1943 г. запланировали добыть 1755 тыс. т, но фактически добыли 1771 тыс. т. На 1944 г. предполагалось к добыче и того меньше – 1625 тыс. т. На долю Ивановской и Владимирской областей в годы военного лихолетья приходилась примерно десятая часть добываемого в стране торфа [37, л. 55].

Добыча торфа в целом (по СССР с учетом потери всей БССР) в годы войны снизилась. Динамика показана в таблице 1 ниже.

Таблица 1

Общие показатели добычи торфа в СССР в 1940–1945 гг. [цит. по: 43]

Годы	1940	1942	1943	1944
Всего добыто (тыс. т)	32055,5	14644,7	21250,7	22938,6

Тем не менее самоотверженный труд работников предприятий позволил добывать минимально необходимое количество торфа, нужного для функционирования военных заводов в исследуемых регионах. Часто это делалось в ущерб прочим потребителям, прежде всего отраслям промышленности, ориентированным на выпуск гражданской продукции, и социальной инфраструктуре.

В историографическом плане тема деятельности торфопредприятий недостаточно изучена из-за падения значения отрасли начиная с 1960-х гг., особенно в постсоветский период. В исторической памяти страны отрасль также не заняла должного места, так как не только почти не отражена в кино или художественной литературе, но и не имеет своего профессионального праздника или хотя бы упоминания на памятных досках.

Отечественная историография торфодобычи в годы Великой Отечественной войны сравнительно скудна. Историки в большей степени обращали свое внимание на дровозаготовки, добычу нефти и угля. Как сам процесс добычи торфа и его значение для функционирования военной экономики СССР, так и жизнь тружеников торфяной отрасли (многие из которых были мобилизованы для этой работы) мало изучены. Еще в меньшей степени историки обращали внимание на неосновную деятельность торфопредприятий, которая в то же время обеспечивала основную задачу – добычу торфа.

Среди работ, посвященных процессу добычи торфа, его динамике, использованию различных способов извлечения данного полезного ископаемого, следует выделить труды Л. В. Копенкиной [40; 41]. Значение торфа для электроэнергетики центральных регионов СССР показано в статье Г. А. Будник, Т. В. Королевой и Т. Б. Котловой [4]. Существуют исследования регионального характера по Удмуртии, Чувашии и Ярославской области [39; 44–48]. Участие советских сельских жителей в заготовках топлива, в том числе торфа, рассматривается рядом отечественных историков как трудовая повинность советского колхозного крестьянства [1; 49–51]. В незначительной степени проблема вспомогательной деятельности торфопредприятий по обеспечению условий для торфодобычи на примере Ярославской области показана Кербиковым, другие исследователи данных аспектов не затрагивали.

Целью статьи является анализ неосновной деятельности торфопредприятий, которая служила средством для выполнения основной задачи – добычи торфа. К такой деятельности относится функционирование подсобных хозяйств, агитация и пропаганда среди трудящихся, а также социальные практики военных лет, необходимые для обеспечения безопасности торфоразработок.

Источниками для исследования послужили, прежде всего, документы партийных организаций торфопредприятий. Были использованы фонды Второвского, Гусевского, Мезиновского, Метенинского, Панфиловского, Петушинского, Покровского, Софроновского, Тасиноборского предприятий. Отдельные сведения по изучаемой проблеме содержатся в фондах Владимирского и Ивановского обкомов, а также отдельных горкомов и райкомов, на территории которых имелись торфоразработки. Весьма интересный пласт источников представлен в местной прессе, к которой относятся как газеты, издаваемые партийными комитетами («Большевик» и «Большевистский путь»), так и многотиражные издания («В бой за торф»). В таких источниках в определенной степени отражена специфика деятельности предприятий, добывающих торф.

Основная часть. Самым важным вопросом, требующим ежедневного разрешения, был продовольственный. Наряду с централизованным выделением продовольственных фондов значительную часть продуктов работники торфоразработок получали от подсобных хозяйств. Общая обстановка в этом деле в советском тылу была сложной, но торфопредприятия здесь выделялись, скорее, в худшую сторону. Как и в других отраслях экономики, здесь имелись случаи обвешивания и недодачи по нормам на многих предприятиях. Кадровый состав, работавший в системе общественного питания, подбирался зачастую без учета прошлого таких работников [14, л. 31]. Расположение предприятий по заготовке торфа должно было, по

идее, способствовать активному использованию дополнительных источников продовольствия. Это прежде всего относилось к заготовкам грибов и дикорастущих ягод, тем более что немалое количество торфопереработок находилось в районах, богатых дарами леса. Однако в большинстве случаев заготовки такого рода велись неорганизованно и были слабым дополнением к питанию работников [14, л. 31].

Выполнение планов по выращиванию тех или иных сельскохозяйственных культур в подсобных хозяйствах сталкивалось с большими трудностями. На Гусевском предприятии плохой уход за овощами в 1941–1943 гг. привел к низкой урожайности, невысоким было качество подготовки почвы под озимые культуры. В тех хозяйствах, которые держали скот, нередко были случаи гибели животных [15, л. 67], что, в свою очередь, вело к нехватке тягловой силы [17, л. 5]. Для подсобных хозяйств не хватало семян, в том числе важнейших для питания людей и лошадьми культур: картофеля и овса.

Каждому предприятию нужно было переживать зиму, а потому необходимо было заготавливать продовольствие. Под него требовались собственные хранилища либо договоренность с совхозами и колхозами, расположенными по соседству, о временном хранении продуктов. Так поступало руководство гороховецкого торфопредприятия «Большое». На зиму 1943–1944 гг. удалось заготовить 130 т овощей, в том числе 107 т картофеля. 57 т хранилось на предприятии, еще 50 т под распиской в Фоминском районе [29, л. 2об.].

Не слишком хорошие показатели имело подсобное хозяйство Второвского торфопредприятия. С 26 га удалось собрать всего лишь 44 т урожая, и, таким образом, на зиму 1945 г. овощами и картофелем предприятие не было обеспечено. Недостатки имело общественное питание: пища приготавливалась недоброкачественно и в плохих санитарных условиях. Тракторный парк не был обеспечен запчастями, хотя владимирский завод «Автоприбор» обычно быстро выполнял задания по ним для предприятия [28, л. 13об.]. Это было предметом обсуждения на самом заводе, пригородное хозяйство которого недополучало запчасти (в сравнении с Второво) [12, л. 10].

Площадь пригородного хозяйства Мезиновского предприятия к 1944 г. насчитывала 13 га, выделенных для посева, но для покрытия потребности столовых необходимо было 30 га [11, л. 2]. В то же время торфопредприятия обычно находились в лесисто-болотистой местности, где изначально территория для ведения сельскохозяйственных работ была сильно ограничена.

Для упорядочения работы подсобного хозяйства предприятия и индивидуальных огородов трудящихся было решено закрепить земельную площадь отдельными участками за цехами. Только к концу войны была упорядочена чересполосица пригородного хозяйства, землеустройство постепенно организовали с учетом индивидуальных огородов рабочих. Недостающую землю изыскивали в своем хозяйстве, в частности, стали использовать фрезерные поля. Повышение урожайности тесно увязывали с советами агрономов, которых следовало активнее привлекать к работе [11, л. 3].

В качестве удобрений было решено использовать торфяную крошку. С учетом того что государственные фонды не предполагали выделение централизованным образом многих видов овощей, под них строились парники.

На крупнейшем торфопредприятии Ивановской области Марково-Сборном было значительных размеров подсобное хозяйство, занимавшее 170 га, засеянное в 1944 г. на 95 %. Среди выращиваемых растений наибольшая площадь была отдана под зерно и крупу, чуть меньше было выделено под картофель. Кроме того, выращивались овощи, корм для скота и силосные культуры [38, л. 59].

Имелись в хозяйстве и животные, правда, если по рогатому скоту (в т. ч. коровам) отставания от плана почти не было, то свиней в 1944 г. имелось чуть больше половины от запланированного. Удой молока на одну корову был не самым высоким, но и тут была разница в зависимости от подсобного хозяйства конкретного предприятия. Например, на текстильной фабрике в Карабаново удой составлял 131 л вместе 143 по плану, на владимирском «Автоприборе» одна корова в среднем давала 105 л молока, а вот на предприятии Марково-Сборное удой был совсем незначительным – 65 л вместо 105 плановых [38, л. 62об.]. Сохранившиеся данные показывают, что в 1944 г. в Марково-Сборном коровы дали 17764 л молока, из них ОРСу было передано 9069 л, работающим в подсобном хозяйстве полагалось 2169 л, остальные 6526 л шли телятам, поросятам, ягнятам, цыплятам и другим животным [38, л. 63].

Увеличилось подсобное хозяйство на Метенинской торфопереработке. Если в 1942 г. посевная площадь составляла лишь 4 га, то в 1943 г. она выросла до 14,1 га. Удалось увеличить поголовье лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Удалось даже получить незначительную прибыль в 5 тыс. руб. [32, л. 8].

В то же время эффективность все равно признавалась низкой, а рабочий и продуктивный скот находился в истощенном состоянии [33, л. 23]. В 1944 г. предприятие выполнило план по посеву яровых культур на 118 %, но урожай с одного гектара по картофелю и овощам был ниже запланированного в 3–4 раза. Это объяснялось невыполнением заданий по вывозке удобрений, обработке и уходу за посевами. Подсобное хозяйство оставалось второстепенным для руководства предприятия. Имелись потери продуктов из-за их несвоевременной доставки в хранилища, неправильный уход за животными привел к падежу молодых поросят. Работой ОРС и подсобного хозяйства были недовольны как руководители предприятия, так и работники. В то же время руководителю ОРСа лишь объявили выговор за недостатки, недовозы, хищения и слабый контроль над материально ответственными лицами [35, л. 6–7].

Война породила новые социальные практики как для руководства, так и для персонала торфопредприятий. Здесь имела своя специфика в силу отдаленности торфоразработок от крупных населенных пунктов, а также слабой инфраструктуры вокруг рабочих поселков. С началом войны стали уделять определенное внимание оборонной работе, прежде всего оборудовали убежища на случай авианалетов. Особенности местности привели к тому, что часть заготовленных в предвоенные годы щелей не могла использоваться в качестве укрытий из-за заливания их водой. Это привело к дополнительным затратам материальных и человеческих ресурсов [12, л. 30]. В поселках, где проживали работники предприятий, имелись пробелы со светомаскировкой, но в то же время из-за небольших размеров таких населенных пунктов опасность вражеских авианалетов была минимальной [13, л. 42об.]. В документах Второвского предприятия указывается, что «неверно понята светомаскировка, ее надо переделывать». Что под этим подразумевалось, источник не пояснил [27, л. 72]. Как и в других отраслях промышленности, противовоздушная и противохимическая оборона (далее – ПВХО) виделась второстепенной задачей.

Добыча торфа неразрывно связана с пожароопасностью, так как сопряжена с осушением торфяников и возможным воспламенением полезного ископаемого как по причине нарушения требований пожарной безопасности, так и из-за погодных условий. Тушение горящего торфяника проблематично из-за глубины залегания пластов торфа, труднодоступности ископаемого, а в годы войны еще из-за нехватки материальных средств и противопожарных агрегатов. Наилучшим способом борьбы с пожарами на торфоразработках считаются превентивные меры, которые могут минимизировать чрезвычайное происшествие. 5 августа 1944 г. Было издано отдельное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, посвященное мероприятиям по борьбе с торфяными пожарами. В документе было прописано требование об очистке территории торфяников от валежника и сухостоя. В связи с этим до 1 января 1945 г. все пожарные торфопредприятий Наркомата электростанций освобождались от призыва [36, л. 24–25]. Однако нередко директора предприятий пренебрегали мерами безопасности, сводя свою деятельность к выполнению поставленного плана, надеясь на то, что подобного рода трагедии обойдут их стороной [23, л. 15]. Проверки ряда предприятий показывали неудовлетворительную готовность к противопожарной работе, а отношение директоров предприятий к состоянию пожарных команд было пренебрежительным.

С началом войны распространилась шпиономания. На нее немалый отпечаток накладывали особенности местности, где обычно располагались торфоразработки. Это была лесисто-болотистая местность, которая могла служить неплохим укрытием для потенциальных диверсантов [12, л. 30]. Одновременно усиливалась борьба с паническими слухами и настроениями, а также поиск и задержание так называемых «шептунов» [12, л. 31].

Как и прочие фабрики и заводы страны, с началом войны торфопредприятия брали на себя различные обязательства. Они были связаны как с обещанием ударного труда, так и с оказанием различной помощи фронту: сбор теплых вещей, участие в военных займах, помощь эвакуированным, шефство над госпиталями и т. п. [12, л. 20, 24, 30об.]. На партийных собраниях первичных парторганизаций принимались соответствующие резолюции.

Сборы по денежно-вещевой лотерее перевыполнили в 1942 г. работники Второвского предприятия. Вместо плановых 16 000 руб. удалось собрать 48 700 руб. Для красноармейцев были собраны теплые вещи, конверты с бумагой, различные ткани, сливочное масло, водка [27, л. 79ж]. Денежно-вещевой лотереей на Гусевском торфопредприятии в 1942 г. был охвачен 2741 человек, на нужды фронта собрали в общей сложности 122 240 руб. [15, л. 62]. Собирались средства на танковую колонну на Петушинской торфоразработке, вещи для детей Сталинграда [26, л. 1]. Торфопредприятия участвовали в помощи населению освобожденных от гитлеровской оккупации районов страны. Собирались вещи и предметы домашнего обихода [19, л. 5об.].

В 1944 г. Гусевское предприятие смогло реализовать второй и третий военные займы, организовало сбор теплых вещей для бойцов Красной армии и реализовало билеты денежно-вещевой лотереи [17, л. 17]. Активность участия рабочих и служащих в таких мероприятиях зависела не только от их сознательности или личного желания, но и от давления со стороны администрации и парторганизации. Сведения, которые сохранились в архивных документах, больше говорят об участии в таких мероприятиях, чем об их игнорировании. При этом отношение отдельных работников к этим практикам было неоднозначным.

Политико-массовая работа среди трудящихся торфопредприятий являлась одним из мотивирующих факторов к ударному труду. Тяжелые условия труда и жизни необходимо было объяснить работникам, поэтому велась деятельность партийных агитаторов, проводились собрания среди тружеников, издавались многотиражные и стенные газеты. Документы эпохи зафиксировали как позитивные настроения рабочих и служащих, так и антисоветские и панические высказывания.

Один из участников собрания парторганизации Межиновского предприятия в 1942 г. обратил внимание, что «торф с Межиновки идет для завода, который производит детали танков и самолетов, а следовательно, дополнительная выработка тонны торфа есть удар по врагу» [10, л. 14]. Похожее утверждение встречается в документации Покровского торфопредприятия: «Долг каждого рабочего выполнять и перевыполнять нормы ежедневно, этим мы дадим возможность бесперебойно работать текстильным фабрикам, обеспечивающим нашу доблестную Красную [армию] всем необходимым, которая защищает нашу родную землю от немецких захватчиков» [23, л. 9]. В протоколах партсобраний Софроновского предприятия от 1943 г. сохранилась проработка трудящимися письма на фронт с выражением поддержки красноармейцам и обещанием перевыполнять план по добыче торфа [30, л. 2].

Одновременно с этим встречались и негативные настроения, более всего характерные для первых военных месяцев. На Второвской разработке на одном из участков были зафиксированы разговоры в духе, что «если Гитлер придет, то мы вас всех передадим» [27, л. 78]. Антисоветские разговоры фиксировались на Межиновском предприятии, правда, протоколы собраний парторганизации их не конкретизируют [9, л. 10]. Шапкозакидательские настроения также имелись. 11 ноября 1941 г. во Второво обсуждали доклад Сталина от 6–7 ноября 1941 г. На заседании присутствовавших убеждали, что немцы потеряли четыре с половиной миллиона человек, а потери РККА незначительны. Общим выводом собрания было то, что «слухи распространяют не нужные нам элементы» [27, л. 79].

Трудные условия работы и повседневной жизни, по мысли части ответственных работников, могли быть облегчены убедительной агитмассовой работой, но для ее успешного ведения не хватало грамотных партийных агитаторов [13, л. 41об.–42]. Некоторые предприятия имели свои газеты, предназначенные для распространения среди сотрудников. Однако им хронически не хватало грамотного персонала, и работа редакций часто была делом «пары-тройки человек». В частности, на Гусевском торфопредприятии издавалась газета «Торфяник», но она не имела актива, в частности рабкоров. И хотя в газете имела редколлегия, злободневные вопросы там поднимались редко, по-видимому, из-за нехватки сотрудников и слабого участия в ее работе членов и кандидатов партии. Все заметки писали два человека – руководители редакции [16, л. 16–16об.].

На Покровском предприятии в 1943 г. партсобрание постановило проводить читку газет каждые шесть дней, и дважды в шестидневку беседовать с рабочими на политические темы [22, л. 5]. В конце войны здесь решили запустить звуковое кино, что было предписано сделать до 5 мая 1945 г. [24, л. 17].

На партийных собраниях предприятий иногда говорили о текущем международном положении, но в целом эта тема в документах отражена незначительно. 5 июля 1944 г. на партийном собрании на предприятии «Тасин Бор» обсуждали текущее положение Японии и отношения СССР с ней, а также ситуацию вокруг считавшейся нейтральной Швеции. Трудящимся задавались вопросы о том, какое новое вооружение есть у Германии, а также о том, какие химические средства борьбы существуют в настоящее время [20, л. 13].

Проблемы в деятельности Межиновской торфодобычи в 1943 г. были даже описаны в центральной газете Ивановской области «Рабочий край» и главном партийном рупоре «Правде». Партийное бюро предприятия признавало статьи правильными и в целях изжития недостатков потребовало провести ряд мероприятий, а именно заключить договоры для участия в соцсоревнованиях; с 20 мая 1943 г. начать систематически проводить агитационно-полити-

ческую работу и читку газет в бригадах и общежитиях. Кроме того, была отмечена слабая работа ряда агитаторов. Также было решено создать общее партийно-комсомольское собрание и потребовать выпускать два раза в месяц стенгазеты и печатать боевые листки [10, л. 22]. Помимо этого в течение трех дней было необходимо восстановить радио и кино, а также обустроить витрину для газет [10, л. 23].

Вопросы деятельности торфопредприятий были актуальны и для местной прессы. Например, в 1942 г. в петушинской газете «Большевистское знамя» вышел ряд публикаций о недостатках в работе местного предприятия им. Дзержинского, которые были признаны правильными на партсобраниях первичной парторганизации предприятия [25, л. 11].

В Государственном архиве Владимирской области сохранилась часть номеров многотиражной газеты Второвского предприятия «В бой за торф». В ней преобладают сообщения общего характера, перепечатанные из центральных и областных газет. До августа 1944 г. Камешковский район относился к Ивановской области, где главным изданием была газета «Рабочий край. С созданием Владимирской области областным изданием, на которой ориентировались многотиражки стал «Призыв». Основное содержание газеты посвящено официальным сообщениям о событиях на фронтах, но зато другая часть материалов касается узкопрофессиональных тем: рационального порядка работы, ремонта и деятельности торфяных машин и т. п. [5, 1943. 5 марта]. Через газету велась санитарная пропаганда, призывающая к порядку и чистоте в общежитиях, частыми были сообщения и статьи, обращенные к различным руководителям предприятия, о необходимости заботиться о быте и питании работников [5, 1943. 11 июня, 18 июня, 29 окт.].

В газете, как и на собраниях парторганизаций, требовали вежливо обращаться с рабочими [5, 1943. 11 июня]. На партийные группы и профсоюзную организацию возлагалась обязанность вести борьбу со всеми, кто беспечно относится к живым людям. На Второвском торфопредприятии почти на всех участках молодежь (по утверждению автора газетной заметки) учат бережливости и изо дня в день прививают навыки производственной культуры, кроме трактористов, предоставленных самим себе. Автор вопрошал: «Спросите молодых трактористов, беседовал ли кто-нибудь с ними о производственной культуре, об уважении к труду товарища, о взаимной вежливости. Ставились ли эти вопросы в партийной и профсоюзной организациях? Ответ только один: нет...» [5, В бой за торф. 1943. 9 июля].

Газета должна была стать важнейшим способом агитации. Здесь публиковались мотивирующие призывы к ударному труду. В июле 1944 г. во второвской многотиражке вышла статья под названием «Государственный план – это закон». В ней отмечалось: «Главная задача коллектива торфяников – покрыть задолженность государству... На борьбу за выполнение государственного плана надо мобилизовать все силы и возможности. Пора организовать не бумажное, а подлинное, действенное социалистическое соревнование» [5, 1944. 28 июля]. В том же номере были процитированы слова одной из работниц, бывшей в довоенный период домохозяйкой. Славил своих подчиненных коллег бригадир Николаева, отмечая, что «они (торфушки – Прим. авт.) работают, как говорят, не за страх, а за совесть» [5, 1944. 28 июля]. И далее в публикации цитировались слова труженицы М. Даниловой: «Мужья наши погибли за Родину, но мы своим трудом готовим возмездие врагу, которые отнял у наших детей отцов и нас оставил вдовами. Будем работать не покладая рук, не допустим, чтобы торф остался неубранным. Погода стоит хорошая, надо пользоваться каждым днем. Призываем и остальных домохозяек помочь предприятию» [Там же]. Такой приглашенный агитационный призыв был характерным явлением эпохи.

Отдельные упоминания тяжелого труда торфодобытчиков встречались в районных газетах из мест, где имелись торфоразработки. В газете «Большевик», печатном органе горкома Гусь-Хрустального, в заметке «Больше заботы о торфяниках, больше торфа государству» была размещена фотография И. М. Соболева, бригадира передовой бригады гидроторфистов Гусевского торфопредприятия [2, 1941. 24 июня, вторник].

В газете «Большевистский путь», издававшейся райкомом Курловского района, автор Е. Пискунов повествовал о подсобном хозяйстве при местной торфодобыче. Образец успешного, по мнению автора, подсобного хозяйства должен был стать примером обычным гражданам и другим предприятиям района [2, 1942. 22 июня, понедельник].

Слабая политико-массовая работа и, как правило, удаленность мест добычи торфа от городов вела к тому, что их работники были слабо осведомлены о положении на фронтах. По мнению уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ивановской области В. Г. Татаринцева, это вело к уменьшению мотивации со стороны трудящихся [37, л. 16].

В условиях войны и идеократического советского государства важное значение имело поведение членов и кандидатов в члены ВКП(б). Наряду с патриотическими настроениями имели место и недостойные, с точки зрения коммунистов, образцы поведения. На собрании первичной парторганизации Межиновского предприятия 14 ноября 1941 г., помимо прочих текущих вопросов, обсуждали нежелание кандидата в члены ВКП(б) М. С. Маринина идти на службу в Красную армию. причем он отказывался от вступления в армию еще в октябре, мотивируя это болезнью, хотя по военному билету не имел ограничений. Доводы Маринина не удовлетворили однопартийцев, и единогласно было решено исключить его из партии с заключением, что «он пролез в партию для своих личных – шкурнических целей» [9, л. 24].

В протоколах собраний парторганизаций регулярно обсуждалась деятельность или бездеятельность тех работников предприятий, которые были членами или кандидатами в партию и комсомольцами. И наряду с хвалебными упоминаниями намного чаще приводятся примеры неподобающей работы таких лиц, с которых спрос, по идее, должен был быть выше, чем с непартийной массы трудящихся. В 1942 г. на партсобрании Гусевского предприятия обсуждался работник Воронцов – кандидат в члены ВКП(б), который не только нарушал трудовую дисциплину, но и говорил, что ему не дают должные условия работы, обещая за это уйти в армию, но так туда и не отправившись. Работница по фамилии Кулдыркаева спала на рабочем месте, что в зимний период привело к заморозке водопроводящей сети, следствием чего стала задержка работы паровозов. Обоих работников исключили из партии [14, л. 1–2]. Лишился партийного билета и был привлечен к судебной ответственности начальник торфотранспорта Гусевского предприятия Ганичев за регулярные пьянки и неумение организовать труд рабочих, специально отправленных в поселок Гусевский из Коврова в сентябре 1942 г. Такое его поведение было названо антигосударственным поступком [14, л. 36об.]. При этом меры воздействия на членов партии чаще были более мягкими. Так, помимо вышеуказанного Ганичева, в пьянках участвовали и некоторые другие руководящие работники предприятия (Кириллов и Серебряков). И хотя их положение должно было усугубиться тем, что их недостойное поведение проявилось не в небольшом поселке, а в соседнем районном центре – Гусь-Хрустальном, они отделались «легким испугом»: им объявили выговор, но сохранили за ними партийные билеты [14, л. 37–38]. Для улучшения идейно-политического состояния предприятия в 1943 г. в Гусевский мобилизовали 15 суздальских комсомольцев [7, л. 3].

На одном из партсобраний Гусевского торфопредприятия в 1945 г. обсуждалось поведение работницы Беляковой, которой было 42 года. Ее муж находился на фронте, на ее попечении было несколько детей, и она состояла в партии. Поводом к обсуждению послужило то, что она задушила недавно родившегося собственного ребенка. В свое оправдание работница указывала, что «бывает в забытии», на что ей было указано на возможность отдать ребенка на воспитание государству. Общим решением ее исключили из партии [18, л. 5об.].

На Пасху в 1945 г. подрались два работника Гусевского предприятия Г. В. Тутаев и И. Н. Федоров. Первый из них «напился на религиозный праздник», хотя и считался лучшим стахановцем, но не имевшим никакого авторитета («над ним всякий ученик-мальчишка смеется»). Он объяснил участие в драке «нервами». Своеобразие ситуации добавляло то, что оба были членами партии и за свои действия получили выговор. Г. В. Тутаеву занесли его в личное дело. Партсобрание сделало вывод о необходимости внимательнее заняться молодежью для поднятия авторитета стахановцев и старшего поколения [18, л. 16–17].

На Второвском предприятии в 1945 г. работнице А. Н. Рыжковой отказали в приеме в партию несмотря на то, что она считалась хорошей работницей, за то, что она посещает церковь. При этом в Камешковском районе многие жители так делали [28, л. 3].

Острая проблема многих торфопредприятий – пристрастие руководителей к алкоголю. Наиболее неприятная ситуация произошла осенью 1942 г. в Гусь-Хрустальном, где руководители соседнего с городом Гусевского предприятия были замечены в коллективной пьянке и неподобающем поведении. Этот скандальный эпизод стал известен местным жителям. В той или иной степени к ситуации оказались причастны уже упоминавшиеся директор предприятия Серебряков, начальник транспорта Ганичев, начальник рабочего снабжения Кириллов. При этом к данным руководящим лицам не сразу применили жесткие меры и процесс обсуждения их действий растянулся на несколько осенних недель. В конечном итоге их действия были признаны недостойными, их сняли с должностей, Ганичева исключили из партии, Серебрякову и Кириллову сделали выговор с занесением в личное дело [8, л. 114–117]. При этом тут надо обратить внимание на руководство горкома Гусь-Хрустального, которое и само не всегда соответствовало своим должностям и высокому званию коммуниста, что также привело к его замене.

Торфопредприятиям не хватало квалифицированной рабочей силы не только для добычи, сушки и вывозки топлива, но и для качественной административной работы. В документах Метенинского предприятия отмечалась отсталость аналитического учета и несвоевременная сдача отчетности, которую объясняли недоукомплектованностью счетного аппарата на 50 %, имевшийся же счетный аппарат состоял из малоквалифицированных работников и учеников [31, л. 11].

Своеобразным внутренним контролером деятельности предприятий должны были быть парторганизации. Однако они не всегда имели должное влияние на администрацию или же сами не стремились к активной работе. Так, заседания партийного собрания Петушинского торфоразработки им. Дзержинского проходили без директора, были нарекания и на руководителя партийной организации, которого в конце 1943 г. освободили от должности за растрату [26, л. 14–14об., 25].

На Гусевской торфодобыче в 1943 г. обсуждали вопрос о вступлении в коммунистическую партию работника Бурычева, который в протоколе заседания партбюро назван уже пожилым человеком, в молодости принадлежавшим к партии эсеров. Несмотря на то что его называли грубым человеком, он прошел «хорошую жизненную школу», и его приняли кандидатом в члены ВКП(б) с рекомендацией «учесть свои отрицательные стороны» [16, л. 20об.].

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на определенные пропагандистские усилия, торфопредприятия не смогли в течение Великой Отечественной войны в исследованных регионах добывать торфа больше запланированного. Торфоразработки не только испытывали дефицит работников и специального оборудования, но и имели не самую опытную и физически выносливую рабочую силу. Значительной проблемой становилась и не самая лучшая трудовая дисциплина со стороны руководства ряда предприятий, которое было замечено в пристрастии к алкоголю. Такое поведение ответственных работников, конечно, негативно влияло на подчиненных. Второстепенной для местного начальства считалась деятельность, связанная не только со специфическими социальными практиками военных лет (прежде всего, организацией ПВХО), но и с работой по обеспечению пожарной безопасности, которую приходится вести на торфодобыче постоянно. Одновременно с этим торфодобытчики, подобно рабочим и служащим других отраслей экономики, оказывали фронту помощь, участвуя в военных займах, денежно-вещевых лотереях, сборе теплых вещей и т. д. Здесь их вклад в целом не отличался от вклада других советских граждан.

Из-за специфики залегания торфа предприятия испытывали трудности с эффективностью деятельности подсобных хозяйств. Это вело к тому, что весомым подспорьем в обеспечении работников продовольствием такие вспомогательные подразделения быть не могли. В большей степени приходилось полагаться на централизованные фонды.

И все же, несмотря на усилия агитации, тяжелые условия труда и жизни торфяников и торфушек, многие из которых в военные годы набирались из женщин и подростков, были главным фактором, влиявшим на низкую производительность труда и невозможность перевыполнять плановые задания. Таким образом, торфопредприятиям в лучшем случае удавалось добыть и доставить до потребителя лишь самый необходимый минимум. В годы войны это неоднократно приводило к недостатку топлива у предприятий стекольной и текстильной промышленности, городских коммунальных хозяйств и социальных объектов.

Список литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда : Вологодский НИЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
2. Большевик – печатный орган горкома ВКП(б) г. Гусь-Хрустальный. 1941–1944 гг.
3. Большевицкий путь – печатный орган райкома ВКП(б) Курловского района. 1942–1945 гг.
4. Будник Г. А., Королева Т. В., Котлова Т. Б. Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941–1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 91. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.
5. В бой за торф – печатный орган первичной парторганизации Второвского торфопредприятия. 1943–1944 гг.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
7. ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. П. 112. Оп. 3. Д. 147.
8. ГАВО. Ф. П. 118. Оп. 1. Д. 82.
9. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 10.
10. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 41.

13. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 43.
14. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 44.
15. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 45.
16. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 47.
17. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 48.
18. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 51.
19. ГАВО. Ф. П. 1035. Оп. 1. Д. 7.
20. ГАВО. Ф. П. 1035. Оп. 1. Д. 8.
21. ГАВО. Ф. П. 1263. Оп. 1. Д. 12.
22. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 2.
23. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 3.
24. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 4.
25. ГАВО. Ф. П. 1905. Оп. 1. Д. 1.
26. ГАВО. Ф. П. 1905. Оп. 1. Д. 2.
27. ГАВО. Ф. П. 2353. Оп. 1. Д. 1.
28. ГАВО. Ф. П. 2353. Оп. 1. Д. 3.
29. ГАВО. Ф. П. 2419. Оп. 1. Д. 3.
30. ГАВО. Ф. П. 3602. Оп. 1. Д. 2.
31. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 7.
32. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 14.
33. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 16.
34. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 19.
35. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 22.
36. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1135.
37. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1141.
38. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1271.
39. Кербиков М. Д. Торфушки. Взгляд на историю забытого труда // Георгиевские чтения : сб. тр. по военной истории Отечества. РВИО. М. : Яуза-Каталог, 2021. С. 521–536.
40. Копенкин В. Д., Копенкина Л. В. Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № 54. С. 479–484.
41. Копенкина Л. В. Добыча торфа в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы) // Труды Инсторфа. 2020. № 31 (84). С. 55–60.
42. Копенкина Л. В. Научные исследования в области добычи, переработки и применения торфа в годы Великой Отечественной войны // Труды Инсторфа. 2020. 21(74). С. 48–52.
43. Марков В. И. Периоды развития торфяной промышленности в России // Труды Инсторфа. 2012. № 6 (59). С. 10–21.
44. Пиксайкин В. К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг. // Экономическая история. 2011 (14). № 3. С. 37–46.
45. Родионов Н. А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской республики (1940–1960-е годы) // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 53–64.
46. Родионов Н. А. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 1 (51), ч. I. С. 168–172.
47. Родионов Н. А. Прием, устройство и трудоустройство спецпереселенцев в торфяной промышленности Западного Урала в 1940–1950-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2016. № 8(70). С. 184–187.
48. Родионов Н. А. Рабочие-торфяники Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов : Изд-во Глазовского гос. пед. ин-та, 2002. С. 26–28.
49. Уваров С. Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 64–74.
50. Хисамутдинова Р. Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х гг. XX века (на материалах Урала) // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2013. № 2. URL: <http://www.vestospu.ru>.
51. Шалак А. В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск : ИГЭА, 1998. 183 с.

The Auxiliary Activities of Peat Enterprises in Support of Peat Extraction under the Conditions of the Great Patriotic War (Based on Materials from the Vladimir and Ivanovo Regions)

Tryakhov Ilya Sergeevich

PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the non-core activities of peat enterprises under the conditions of the Great Patriotic War. During the hard times of the war, peat was one of the most important sources of energy both for generating electricity and for the plants and factories of a number of industries. In addition, this type of fuel was actively used by the municipal utilities of the Vladimir and Ivanovo regions. The main activity of the enterprises was connected with a whole range of measures that were necessary for the effective work of the peat producers, given the difficult working and living conditions of the workers. The sources were the collections of the state archives of the Vladimir and Ivanovo regions, among which the documents of the primary party organizations of a number of enterprises were of particular importance. They contain information (not always complete) about the functioning of subsidiary farms, the social practices of the war years, and the work and conduct of the members and candidate members of the CPSU(b) among the workers and the managers of the peat workings. The collections of the regional, city and district party committees, in which the work of the peat enterprises was discussed to various degrees, as well as periodical press materials, also played their part in the study. These sources reflect the efforts of the propaganda bodies, the aim of which was to motivate the workers to fulfil and overfulfil the planned targets. As a result of the study, one should note the diversity of the activities of the peat-extraction enterprises and their active participation in aid to the front. At the same time, the social infrastructure of the peat workers' settlements was insufficient, and the self-provision of the enterprises with food was worse than in other industries. The remoteness of the peat-extraction sites from urban centres more often led to various abuses on the part of the administration.

Keywords: the Great Patriotic War, peat enterprises, the food problem, agitation and propaganda, the social practices of the war years.

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M., Izyumova L. V. *Povinnosti rossijskogo krest'yanstva v 1930–1960-h gg.* [The Obligations of the Russian Peasantry in the 1930s–1960s]. Vologda, Vologodskij NC CEMI RAN (Vologda Scientific Centre of the Central Economics and Mathematics Institute of the RAS), 2001. 141 p.
2. *Bol'shevik – pechatny'j organ gorkoma VKP(b)* – Bol'shevik – the printed organ of the City Committee of the CPSU(b). Gus-Khrustalny. 1941–1944.
3. *Bol'shevistskij put' – pechatny'j organ rajkoma VKP(b)* – The Bolshevik Path – the printed organ of the District Committee of the CPSU(b). Kurlovo District. 1942–1945.
4. Budnik G. A., Koroleva T. V., Kotlova T. B. *Problemy energetiki prifrontovyh oblastej centra Rossii v 1941–1945 gg.* [Problems of the Power Industry of the Frontline Regions of Central Russia in 1941–1945] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Vestnik of Kostroma State University. 2020. Vol. 26, No. 2. Pp. 88–96. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.
5. *V boj za torf – pechatny'j organ pervichnoj partorganizacii Vtorovskogo torfopredpriyatiya* – Into the battle for peat – the printed organ of the primary party organization. Vtorovskoe Peat Enterprise. 1943–1944.
6. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.* [The All-Union Population Census of 1939]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
7. SAVR (State Archive of the Vladimir Region). F. P. 112. Op. 3. D. 147.
8. SAVR. F. P. 118. Op. 1. D. 82.
9. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 10.
10. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 12.
11. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 13.
12. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 41.
13. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 43.
14. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 44.
15. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 45.
16. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 47.
17. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 48.
18. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 51.
19. SAVR. F. P. 1035. Op. 1. D. 7.
20. SAVR. F. P. 1035. Op. 1. D. 8.
21. SAVR. F. P. 1263. Op. 1. D. 12.
22. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 2.

23. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 3.
24. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 4.
25. SAVR. F. P. 1905. Op. 1. D. 1.
26. SAVR. F. P. 1905. Op. 1. D. 2.
27. SAVR. F. P. 2353. Op. 1. D. 1.
28. SAVR. F. P. 2353. Op. 1. D. 3.
29. SAVR. F. P. 2419. Op. 1. D. 3.
30. SAVR. F. P. 3602. Op. 1. D. 2.
31. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 7.
32. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 14.
33. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 16.
34. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 19.
35. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 22.
36. SAIR (State Archive of the Ivanovo Region). F. P. 327. Op. 7. D. 1135.
37. SAIR. F. P. 327. Op. 7. D. 1141.
38. SAIR. F. P. 327. Op. 7. D. 1271.
39. Kerbikov M. D. *Torfushki. Vzgl'yad na istoriyu zabytogo truda* [The Peat Girls. A Look at the History of a Forgotten Labour] // *Georgievskie chteniya : sb. tr. po voennoj istorii Otechestva* – The St. George Readings : a collection of works on the military history of the Fatherland. RVIO. M., Yauza-Katalog, 2021. Pp. 521–536.
40. Kopenkin V. D., Kopenkina L. V. *Gidrotorf v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Hydropeat during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal)* – Mining Informational and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal). 2006. No. S4. Pp. 479–484.
41. Kopenkina L. V. *Dобыча торфа в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы)* [Peat Extraction during the Great Patriotic War (On the 80th Anniversary of the Great Victory)] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2020. No. 31 (84). Pp. 55–60.
42. Kopenkina L. V. *Nauchnye issledovaniya v oblasti dobychi, pererabotki i primeneniya torfa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Scientific Research in the Field of the Extraction, Processing and Application of Peat during the Great Patriotic War] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2020. No. 21 (74). Pp. 48–52.
43. Markov V. I. *Periody razvitiya torfyanoy promyshlennosti v Rossii* [The Periods of the Development of the Peat Industry in Russia] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2012. No. 6 (59). Pp. 10–21.
44. Piksajkin V. K. *Dобыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг.* [Peat Extraction by the Enterprises of the Local Fuel Industry of the Mordovian ASSR in the 1940s–1990s] // *Ekonomicheskaya istoriya* – Economic History. 2011. No. 3 (14). Pp. 37–46.
45. Rodionov N. A. *Voprosy ispol'zovaniya trudovyh resursov Mordovskoj ASSR v torfodobyvayushchej promyshlennosti Udmurtskoj respubliki (1940–1960-е годы)* [Issues of the Use of the Labour Resources of the Mordovian ASSR in the Peat-Extraction Industry of the Udmurt Republic (the 1940s–1960s)] // *Ekonomicheskaya istoriya* – Economic History. 2012. No. 2 (17). Pp. 53–64.
46. Rodionov N. A. *Mobilizaciya torfyanyh resursov Urala na nuzhdy voennogo proizvodstva (1941–1945 gg.)* [The Mobilization of the Peat Resources of the Urals for the Needs of War Production (1941–1945)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov, Gramota, 2015. No. 1 (51), part I. Pp. 168–172.
47. Rodionov N. A. *Priem, ustrojstvo i trudoispol'zovanie specpereselencev v torfyanoy promyshlennosti Zapadnogo Urala v 1940–1950-е гг.* [The Reception, Accommodation and Labour Use of Special Settlers in the Peat Industry of the Western Urals in the 1940s–1950s] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov, Gramota, 2016. No. 8 (70). Pp. 184–187.
48. Rodionov N. A. *Rabochie-torfyaniki Udmurtii v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Peat Workers of Udmurtia during the Great Patriotic War] // *Material'naya i duhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Urala: istoriya i sovremennost'* [The Material and Spiritual Culture of the Peoples of the Volga Region and the Urals: History and Modernity]. Glazov, Izd-vo Glazovskogo gos. ped. in-ta (Glazov State Pedagogical Institute Press), 2002. Pp. 26–28.
49. Uvarov S. N. *Trudovye povinnosti krest'yan Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Labour Obligations of the Peasants of Udmurtia during the Great Patriotic War] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* – Bulletin of Udmurt University. History and Philology. 2015. Vol. 25, is. 1. Pp. 64–74.
50. Hisamutdinova R. R. *Gosudarstvennye trudovye povinnosti sovetskogo krest'yanstva v 40-е – nachale 50-х гг. XX veka (na materialah Urala)* [The State Labour Obligations of the Soviet Peasantry in the 1940s – Early 1950s (Based on Materials of the Urals)] // *Vestn. Orenb. gos. ped. un-ta. Elektron. nauch. zhurn.* – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2013. No. 2. Available at: <http://www.vestospu.ru>.
51. Shalak A. V. *Usloviya zhizni i byta naseleniya Vostochnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [The Living Conditions and Everyday Life of the Population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Irkutsk, IGEA, 1998. 183 p.

Поступила в редакцию: 13.10.2025

Принята к публикации: 27.04.2026